

O.A. Romanovskaya
The Idiosyncratic Context
of Ethnicity: Author's Pall

The author's reflexion of the group focused interview technique is presented. The attention is drawn to the account of a personal context of both interviewees and a moderator.

Key words and word-combinations: ethnic self-consciousness, ethnocultural identity, idiosyncratic context.

Представлена авторская рефлексия техники проведения группового сфокусированного интервью. Акцентируется внимание на учете личностного контекста в общении как интервьюируемых, так и модератора.

Ключевые слова и словосочетания: этническое самосознание, этнокультурная идентичность, идиосинкратический контекст.

УДК 316.32:316.014
ББК 60.52+60.504/506

О.А. Романовская

ИДИОСИНКРАТИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ ЭТНИЧНОСТИ:
АВТОРСКИЙ ОПЫТ
ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Повседневный жизненный опыт людей позволяет утверждать: акторы создают вокруг себя не только материальный мир, но и мир человеческих взаимоотношений, вмещающий систему социального поведения, которая регулируется обычаями, традициями, нормами, характерными для определенных национальных и культурных сообществ. В этом контексте этничность становится одним из наиболее значимых факторов, определяющих социальное поведение. Особую актуальность она приобретает в России, в силу неоспоримости полиэтничного характера современного российского общества.

В процессе изучения социокультурной реальности, особенно динамичной для нашей страны, в исследовательской практике возник вопрос: как эта самая реальность воспринимается конкретными людьми, преломляется в их сознании, тем более когда объектом исследования становятся «этническое в нас»? Жесткая формализация в этом случае не дает хорошего результата. Появляется необходимость привлечения категорий, которыми пользуются сами деятели для упорядочения собственного повседневного жизненного опыта. Именно поэтому, по нашему мнению, стоит обратиться к методике проведения сфокусированного группового интервью.

В профессиональном вербализованном контакте будет не много смысла, если интервью сведется к жесткому списку вопросов, задаваемых интервьюером. Поэтому важно

стремиться в полной мере использовать основное преимущество интервью перед анкетой – общение, помогающее интервьюируемому расшифровать и донести смысл, содержащийся в ситуации.

Значимую роль играет сохранение атмосферы сотрудничества, которое поощряет интервьюируемого к рассмотрению собственного опыта до тех пор, пока не будет достигнута определенная степень ясности. Именно поэтому возникает проблема поддержания спонтанности сообщений, так как спонтанность не является отличительной особенностью фокусированного интервью, напротив, это одна из характеристик, которая роднит его с ненаправленным интервью вообще.

Ненаправленный подход к интервьюированию представляется наиболее плодотворным, поскольку он дает возможность интервьюируемому высказываться по важнейшим для него проблемам, а не по тем вопросам, которые кажутся самыми важными интервьюеру. Таким образом, в отличие от подхода, применяемого в опросах, этот метод в большей степени раскрывает то, что думает сам интервьюируемый, а не то, каково его мнение о том, что думает интервьюер. Кроме того, здесь есть возможность зафиксировать ответы в надлежащем контексте, а не загонять их в рамки, заранее придуманные интервьюером.

Уверены, что именно данный подход – ненаправленный – обычно ведет к тому, что интервьюируемые высказываются более членораздельно и выразительно, чем в направленном интервью. Например, членов студенческой группы, просмотревших художественный фильм «Мальчик в полосатой пижаме», мы спросили: «Вы ощутили гордость за нашу Родину, победившую фашистскую Германию, прекратив тем самым политику повсеместного убийства евреев?». Прямой вопрос такого типа сразу же нанес ущерб возможности определения того, как интервьюируемые восприняли фильм. В ответах, полученных на этот вопрос, отразилось искажение собственной интерпретации фильма, и мы «упустили» возможность выявить некоторые из этих предположений, которые исказили их собственную интерпретацию фильма и исключили возможность выявления реального представления зрителей о фильме. Фильм мог быть воспринят беспристрастно, просто как «интересная информация» (один из возможных вариантов), но единственный прямой вопрос привел ко многим искажениям.

Особо хочется отметить, что возникают ситуации, где вопросы начинают задавать интервьюируемые и полное уклонение модератора от ответов лишь разрушает атмосферу доверительности и взаимного интереса. Оно может расцениваться членами группы как неискренность, сокрытие, по неясным для группы причинам, собственного мнения интервьюера, которое хочется знать группе. И это очень тонкий момент общения. Наш опыт подсказывает: если Вам (интервьюеру) задают вопросы, то, прежде чем уйти от ответа, попытайтесь спрогнозировать следующую ситуацию: либо Вам по-прежнему будут доверять, оценив Вашу честность, либо Вы сами вызовете недоверие к себе, а значит, к исследованию. Более того, если Вы почувствовали эмоциональную блокировку интервьюируемого и, как проявление ее, услышали адресованный Вам вопрос, помните, что именно в причинах этой блокировки, как правило, скрывается очень важная для Вас информация.

Для достижения понимания определений ситуации и реакций на нее фокусированное интервью ставит целью обнаружить то, что каждый человек вкладывает в ситуацию. Личностный контекст реакций человека составляют его предшествующие установки и ценности и некоторые из его социальных ролей. Изменения личностного контекста ведут к изменениям в реакциях на ситуации одного типа одним и тем же человеком в разное время или разными людьми в одно и то же время. Это не противоречит тому, что может, тем не менее, возникать модальная реакция, характерная для лиц, имеющих существенные сходства личностного контекста. Чем более адекватны наши знания этих контекстов, тем вернее можно понять смысл, вкладываемый индивидуумом в оценку ситуации.

Стремление к получению глубинных ответов и сообщений о личностном контексте тесно связаны, но различимы. При стремлении к получению глубинных ответов интервьюер должен стараться выявить эмоциональное значение определенного опыта, при изучении личностного контекста – обнаружить характеристики интервьюируемого, которые послужили источником такого значения.

Полагаем, что одними и теми же методами можно получить информацию разных типов. Представляется интересным такой тип, как идиосинкратический контекст. Он касается очень личного опыта и связанных с ним установок, которые редко встречаются даже среди относительно гомогенной группы. Пример из нашей практики: этнический грузин говорит о документальном фильме «Адольф Гитлер: портрет тирана»: «...это напоминает мне о том, что я чувствовал, когда мой отец все-таки сумел выбраться из Гагры, когда там орудовали чеченцы и абхазы...». Идиосинкратический контекст формирует реакции на ситуацию, которые являются различными, если не уникальными, и помогает объяснить, как могут появляться реакции, совершенно неадекватные данному случаю.

Рассмотрим реакцию «бумеранга», пример которой взят из интервью со студентами, просмотревшими уже упомянутый документальный фильм, где в числе прочего идет речь об этапах Второй мировой войны. В фильме подчеркивалась сила, эффективность и военное превосходство Вермахта, но было показано доблестное сопротивление Красной армии и всего советского народа тому, что тогда казалось подавляющим преимуществом.

Модератор: Как вы считаете, представители всех народов СССР встали на защиту своей Родины, как показано здесь?

А.: Конечно нет! (Такой ответ выглядит неожиданно, имея в виду то, что в документальном фильме показано обратное. Но интервьюируемый тотчас же разъясняет свою реакцию.) Грузия, например, отправляя на фронт бойцов, проводила мобилизацию среди армян, живущих в Грузии. Мой отец, дед, прадед – тбилисские армяне, они мне рассказывали. Помните фильм «Отец солдата»? Этот киногерой – третий после Якова Джугашвили и старшего сержанта Кантарии грузин на фронте! (До сих пор интервьюируемый лишь выражает свою статусно обусловленную установку по отношению к грузинам, не связывая высказывание с фильмом. Вскоре, однако, оказывается, что он не просто не воспринял то, о чем рассказывалось в фильме, но видел в нем избирательно только то, что подтверждало его мнение.)

Приведем пример, включающий некоторые эффективные и неэффективные методы получения информации о личностном контексте.

Модератор: Вы все граждане Российской Федерации – исторической преемницы Советского Союза. Вы обратили внимание на информацию о готовности СССР к войне с Германией? (Здесь дается подсказка для возможной идентификации. Но вместо того чтобы использовать это как средство получения сообщений о личностном контексте, интервьюер всего лишь просит доказательств того, что интервьюируемые помнят те сцены, которые имеет в виду интервьюер. Это привело только к перечислению объективных моментов эпизода).

Модератор: Мне хочется узнать, когда Вы смотрели эти сцены, показывающие СССР накануне войны, о чем Вы думали? (Этот вопрос с успехом можно было бы задать вначале. Обычно можно с уверенностью предполагать, что интервьюируемые помнят те сцены, которые наиболее тесно касаются их прошлого или ожидаемого опыта. В общем случае предпочтительно сразу стремиться к получению интроспективных сообщений. После того как внимание сконцентрировано на объективной стороне ситуации, бывает трудно получить сообщения о личностном контексте. Вопрос, предложенный здесь, в большой степени неэффективен).

На наш взгляд, интервьюеру все-таки следует вводить свои подсказки, во-первых, по поводу предполагаемой идентификации в тех местах интервью, которые подсказаны предыдущим обсуждением. Как мы убедились, часто наблюдается значительное сопротивление тому, чтобы сообщать о глубоком личностном контексте. Это сопротивление только усиливается, когда интервьюер делает очевидным свое намерение, резко меняя тему и указывая напрямик, что это именно та личная информация, которую он хочет получить. Во-вторых, можно посоветовать интервьюеру ограничиться намеком на предполагаемую идентификацию, а не заявлять о ней специально. Если идентификация возникла, этой подсказки будет достаточно для появления сообщения, если она не возникла, подсказка обычно не вызовет псевдоидентификации. Более того, у людей не будет повода считать, что им «не удалась» роль интервьюируемых, поскольку они не смогли предоставить требуемую информацию. Наконец, в вопросах следует стремиться к получению интроспективных сообщений о личностных характеристиках или опыте, лежащих в основе идентификации, а не к доказательству того, что нужные элементы стимульной ситуации сохранились в памяти.

Очевидно, переход следует осуществлять вопросом: «Вы, конечно, помните кадры, показывающие СССР перед началом войны с Германией? О чем думали Вы, потомки тех, кто пережил войну, смотря эти кадры?» Этот вопрос фокусируется на элементах ситуации, которые могли бы привести к идентификации, и одновременно вызывает на сообщение о реакции на нее.

По нашему убеждению, задачей интервьюера является обеспечение условий, в которых этот процесс может выйти на поверхность и быть выражен словами. Переход с уровня проектирования на уровень личностного контекста не должен, конечно, быть резким и насильственным. Если со стороны интервьюируемого нет значительного сопротивления, интервьюер может достичь своей цели ненавязчивым, но постоянным следованием в этом направлении. На первой

стадии проективные утверждения могут быть введены или модератором, или самим интервьюируемым.

Исследователь, чтобы не допустить ощущения дискомфорта или нанесения прямого морального вреда интервьюируемым и сохранить структуру сфокусированного интервью, должен помнить, что в подобных практиках интерес представляют вопросы, которые связаны или могут быть связаны со стимульной ситуацией. Наличие интереса к выявлению личностного контекста не может оправдывать длительные отступления. Стало быть, интервьюер должен не только тщательно готовиться к подобного рода интервью, но и во избежание этических осложнений постоянно совершенствовать профессиональную чувствительность.

D.A. Yegorenkov
Practices and Prospects
of the Partnership between
All-Russia Political Party
“United Russia”
and the Government in Public
Health Services Sphere
in the Saratov Region Territory

The partnership between all-Russia political party “United Russia” and the government in public health services sphere is shown. Prospects of their cooperation are formulated.

Key words and word-combinations: public health policy, top-priority national project, social projects of the political party “United Russia”, quality of life.

Показано партнерское взаимодействие Всероссийской политической партии «Единая Россия» и государственной власти в сфере здравоохранения. Формулируются перспективы их сотрудничества.

Ключевые слова и словосочетания: здравоохранительная политика, приоритетный национальный проект, социальные проекты политической партии «Единая Россия», качество жизни.

УДК 351(470.44)
ББК 67.401.02(235.54)

Д.А. Егоренков

**ПРАКТИКА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПАРТНЕРСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

После прошедших в Российской Федерации в 2011–2012 гг. парламентских и президентских выборов вновь становится актуальной проблема трендов дальнейшего политического и социально-экономического развития нашей страны. В связи с этим особую важность приобретает проблема сохранения или изменения принципов управленческой деятельности в социальной сфере.

В научной среде принято считать, что кри-